

КРОКОДИЛ

№ 24 (1674)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

30 АВГУСТА 1962

— Папа, что такое благородство?
— Не приставай с глупыми вопросами!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

«ДО ПОСЛЕДНЕГО ЗЕРНЫШКА»

Репортаж

МИНУТЫ И СУТКИ

В конце июля из магазинов Илишевского райпотребсоюза неожиданно исчезли спиннинги, удилища, подсажки, лески, рыболовные крючки. А также игральные карты и домино. Продавцы поясняют, что все эти предметы досуга расхватали шоферы, прибывшие на вывозку хлеба.

Как? Страдная пора, дорога каждая минута, а тут игра в бирюльки! Может, в Илишевском районе нынче недород?

Ничуть не бывало. Наоборот. Урожай на редкость обильный, и зерна невпроворот. Так в чем же загвоздка?

Кое-что разъяснилось, когда мы прибыли на хлебоприемный пункт. Вспомнили тут горькие сеговотания председателя колхоза «Октябрь» Ф. Яхина.

— С хлебом чистая труба,— говорил он.— Зерна уйма, а ссыпать некуда.

На хлебоприемном пункте — пристани Груздевка, что на реке Белой,— увидели мы монбланы сырого зерна. Их курящиеся вершины свидетельствуют о том, что зерно, сваленное под открытым небом и часто поливаемое дождями, сильно преет и уже начинает гнить. Оно уже не сыплется от прикосновения лопаты, а отваливается слежавшимися пластами (см. фото).

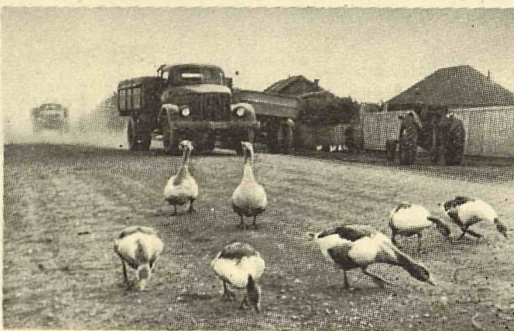
Если зигзагообразную очередь грузовиков, ожидающих разгрузки, вытянуть по прямой, она растянется на километр. Зерно горит, шоферы загорают. Одни нежатся на солнышке, расевшись и разлегшись на бревнах, другие режутся в «козла» и в «девятку», третьи удят рыбу.

В том же колхозе «Октябрь» забили тревогу: пропали автомашины с зерном. Еще вчера ушли в Груздевку и не вернулись. Нашли их в той же Груздевке. Грузовики с зерном, как беспомощные кораблики, затертые арктическими льдами, были накрепко зажаты в очереди.

От Андреевки (колхоз «Знамя Октября») до Груздевки рукой подать. За сутки можно сделать десятка полтора рейсов, но шоферы с горем пополам оборачиваются один раз, но чуя в очереди. Езда — минуты, разгрузка — сутки.

...А МАШИНЫ СТОЯТ

Урожай-богатырь навалился на маленькую Груздевку всей своей тяжестью, и она, бедная, никак не может сладить с ним. К первым чис-

лам августа, когда еще не была закончена уборка ржи, колхозы района доставили сюда без малого двадцать тысяч тонн зерна. А впереди еще пшеница; горох, просо. Ссыпать некуда.

— Кручусь, как белка в колесе,— жалуется директор пункта Александр Демидович Мионов.

— Как же вы в прежние-то годы обходились?

— Принимали не очень много, а нынче один наш Илишевский район хочет пригрудить три миллиона пудов, да соседний Акташанский район Татарии просит принять полмиллиона.

Словом, Александр Демидович крутится, а колеса сотен грузовиков стоят недвижно в ожидании разгрузки. Впрочем, и после визита начальника Башкирского управления хлебопродуктов Х. Валеева, приезжавшего сюда для ликвидации пробки, очередь грузовиков, пол-

ных зерна, не очень-то резво двинулась с места...

Хлебоприемщики кивают на подрядчика: трест «Туймазанефтестрой» медленно строит СОБ (сушильно-очистительную башню), ПОБ (приемно-очистительную башню) и зерносклады. Начали в феврале, обещали к середине лета, но все еще не закончили.

Да, строители подвели. Но илишевские колхозники задают руководителям Управления хлебопродуктов резонный вопрос: а где же вы были раньше? Район уже четвертый год подряд собирает высокие урожаи и ежегодно испытывает мытарства со сдачей хлеба на приемные пункты.

ХЛЕБОЗАГОТОВКИ НА ДОРОГАХ

Сильно лимитируют движение автотранспорта и сдерживают темпы вывозки хлеба... гуси. Сотни машин то и дело «спотыкаются» о стаи гусей, которые с зеленых лугов и водоемов переселились на «организованный откорм», устроенный на шоссе и проселочных дорогах. Давить птиц жалко, приходится сигнализировать, тормозить, объезжать их (см. фото).

Нескончаемые золотистые дорожки рассыпанного зерна, птичьи базары, старушки и ребята, вооруженные вениками, ведрами, мешками,— характернейшие приметы дорог Башкирии в период хлебозаготовок. Ни одна домовитая бабушка не ходит в лес по грибы и ягоды в страдную время, когда на дороге, проходящей возле дома, можно заготовить на зиму столько зерна, что его хватит для прокорма всей домашней живности.

И в самом деле, по нашим, очень неполным, подсчетам, на каждом метре дороги зерна не меньше ста граммов, следовательно, на каждом километре — центнер, на десяти километрах — тонна. А зерном усеяны тысячи километров.

Однако не очень-то интересуются этими расчетами руководители колхозов, совхозов, территориальных производственных управлений, районных и республиканских организаций.

А как приятно было слышать еще недавно из уст тех же руководителей страстные призывы «убрать урожай до последнего зернышка»!

Н. РТИЩЕВ,
С. ЯРНЫХ

Башкирская АССР.

Леонид ЛЕНЧ

РАССКАЗ

Поздно вечером в номере гостиницы лежали на кроватях и лениво разговаривали перед сном два приятеля — периферийные работники Сударкин и Роликов.

— Что такое высшее наслаждение жизни? — зевая, философствовал Сударкин, тучный, с круглым животиком, обтянутым тонким одеялом. — Один мудрец на этот вопрос так ответил: «Поносите три часа узкую обувь, а потом смените ее на просторную, и вы познаете высшее наслаждение жизни!»

— Анекдот! — сказал черноволосый, с энергичным профилем, Роликов. — И притом старый, с бородой.

— Конечно, анекдот, — согласился Сударкин, — но, знаешь, не лишен... Что касается лично меня, то высшее наслаждение, помоему, — это хорошо выспаться после трудного денечка. А денечек у нас с тобой, Евгений Борисович, был горячий.

— Атомный денек! — сказал Роликов. — Ну, ничего. Выспимся, а утром на самолет — и домой!

Они поговорили еще, пожелали друг другу спокойной ночи и уснули.

Через час приятели проснулись, как по команде. Причина была банальная, я бы сказал, пошлейшая, и мне даже неудобно называть ее, но из песни слова не выкинешь: за стеной в соседнем номере кто-то

громко храпел. Тонкая перегородка отчетливо передавала все нюансы залихватых рулад, прерывистых всхлипываний, зверских рычаний и нежных пошвистываний.

— Слышишь, Евгений Борисович? — тревожно сказал Сударкин. — Сосед старается, в сто восемнадцатом.

— Мастер! — отозвался Роликов. — Вот дает, так дает! У него целый джаз в носоглотке!

— Что же делать, Евгений Борисович?

— Аплодировать! — сказал Роликов. Чиркнув спичкой, он закурил. — Впрочем, это бесполезно. Все равно не услышит! Храпящий субъект похож на соловья: тот тоже, когда заливаается, не слышит ничего.

— Я не могу спать, когда рядом храпят. Может быть, постучать ему в стенку, как ты думаешь?

— Не поможет!

«Соловей» за перегородкой пронзительно всхлипнул, зарычал и засвистел носом совсем уже отчаянно. Сударкин сел в постели и жалобно сказал:

— Нет, не могу больше! Пойду к нему, попрошу. Надо же понимать, что он не дома... Пусть примет какие-то меры.

Он поднялся, надел ночные туфли и, как был в спальней пижаме, вышел в пустынный, слабо освещенный коридор. Долго и

Две пчелы

Пчеле похвасталась Пчела:
— Какие медоносы я нашла!
И клевер, и калину,
И вереск, и рябину,
Гречихи не один гектар!
Какой чудеснейший нектар
Из всех цветов добудем,
Коль вместе собирать его мы
будем!

План медосбора перекроем раза
в два!..

— К чему высокие слова? —

Пчела другая прожужжала. —

Ты объясни сначала,

Где этот край обильный твой?

— Да тут вот рядом, за горой,

Одна минута лету!

— Э, не-ет!

— Что нет?..

— Да нет расчета!

Все уши трутень прожужжит,

Коль у меня километраж не
набежит.

— А мед?!

— Что мед! За мед не отвечаю.

Я премию

за... километры получаю!

Т. КОЗЛОВСКАЯ

Прорастет ли?

Нечто новое придумав,
Потрудился токарь Шумов...
— Предложение? Покажи!
— Вот. Эскизы. Чертежи.
Я уверен, что немало
Сэкономим мы металла!
Мастер за ухом поскреб...
Бригадир наморщил лоб...
Токарь наш вздохнул глубоко...
Инженер прищурил око
И сказал: — Нечетко... Но,
Несомненно, есть зерно!
Плановик вскричал: — Для цеха
Это, прямо скажем, веха!
И директор тоже рад:
— Bravo, друг! Ведь это клад!
...Мчатся дни. Проходят годы.
«Есть зерно». А где же всходы?
Прорастет ли то зерно
Сквозь... зеленое сукно?

Перевел с белорусского
В. КОРЧАГИН.

ИДЕТ РЕВИЗИЯ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

настойчиво, но осторожно Сударкин стучал костяшками пальцев в дверь сто восемнадцатого номера, но в ответ слышались только новые раскаты храпа, заставлявшие его поеживаться от отвращения. Наконец храп умолк, Сударкин постучал сильнее и услышал шлепанье босых ног по полу. Недовольный, хриплый, сонный голос спросил через дверь:

— Кто там? В чем дело?

— Ради бога, извините, — сказал Сударкин, и ему самому стало противно от того количества засахаренного варенья, которое вдруг появилось в его голосе, — но вы так храпите, что спать совершенно невозможно!..

— А кто вы такой?

— Ваш слушатель, так сказать. А точнее, сосед справа!

Помолчав, Сударкин добавил миролюбиво:

— Я понимаю, что вы не нарочно. И тем более стенка очень тонкая, никакой звукоизоляции. Но, может быть, вам — если, конечно, это вас не затруднит — есть смысл переменить позу? Поймите меня правильно, я очень устал за день, необходимо выспаться... И вдруг такое болезненное осложнение... в виде вашего, извините, храпа.

— Вот я сейчас позвоню дежурному администратору, — грозно сказал за дверью

хриплый голос, — и он вам покажет «болезненное осложнение»! Хулиган!

— Позвольте! — Сударкин прижал руку к сердцу. — Один советский гражданин просит другого советского гражданина уважать его заслуженный ночной отдых — разве это хулиганство? По-моему, правил нашей морали я этим не нарушаю.

— Идите вы, гражданин, с вашей моралью...

Обитатель сто восемнадцатого номера грязно выругался, и Сударкин снова услышал шлепанье босых ног по полу. Что ему после этого оставалось делать? Бедный Сударкин вернулся к себе в номер и рассказал Роликову о неприятном разговоре через закрытую дверь. Роликов выслушал его рассказ с комически-мрачным вниманием и сказал:

— Плюнь, Александр Петрович, и ложись спать! Может быть, после перерыва он не будет так выдавать. Все-таки у него нервная встряска какая-то была!

Не прошло, однако, и часа, как приятели снова проснулись. Храп в сто восемнадцатом номере после нервной встряски стал еще более неистовым и еще более противным: к рычаниям и посвистываниям теперь прибавилось тонкое, жалобное визжание.

— Как будто свинью режут! — задумчиво определил Роликов.

— Что же нам все-таки делать?! — простонал Сударкин. — Ведь сил же нет никаких. Пилой по нервам! Ей-богу, Евгений Борисович, мне плакать хочется.

— Обожди-ка плакать!

Роликов встал с постели, зажег свет, подошел к письменному столу, на котором стоял телефонный аппарат, и решительно снял трубку.

— Дайте, девушка, сто восемнадцатый. И не жалеите звончков, пожалуйста!

Отбросив одеяло, Сударкин сел на край кровати и впился глазами в непроницаемое лицо приятеля.

Вот происходит соединение: правая бровь Роликова поднялась кверху, нижняя губа закушена. Он ждет ответа! Резкие, продолжительные звонки. Минута, три, пять... Ответили! Бровь Роликова вернулась на место, нижняя губа отпущена на свободу. Коверкая слова и их русское произношение, Роликов говорит в трубку:

— Я есть ваш соседка... сайд... левый. Извиняйт меня... ай бег ёр пардон... Вы ошен громко... хрупеть. Невозможно... ту бад... Спать!

Должно быть, то, что ответил сто восемнадцатый, вполне устроило «соседку слева», потому что Роликов важно кивнул и сказал в трубку:

(Окончание см. на стр. 14).

ПРАВИЛО БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Трудно быть образцовым! Восьмиклассник Володя Б. не был образцом. Он запросто пугал Куро-Сиво с курсивом, а о том, куда впадает Волга, даже не подозревал.

На уроках географии он садился на парту, издавая кудхтающие и лающие звуки. И, конечно, его выгоняли из класса.

Теперь на минуту представьте: конфликт с географией зашел столь далеко, что ученик ударил преподавательницу ненавистного предмета.

Возмутительный поступок! Совершив его, Владимир Б. сел. Не за парту, а в камеру предварительного заключения. Затем, естественно, — на скамью подсудимых, а потом — в тюрьму.

— Пойдите, — скажет Раиса Семеновна Часовникова, директор 469-й московской школы. — Здесь явная путаница. Подобный случай действительно имел место в школе. Только у нас все было наоборот: не ученик Б. ударил учительницу географии Нину Ивановну Жоголеву; а она его. И даже не один раз, а несколько, на глазах у всего класса. Нет, нет, путаница какая-то... Разберитесь!

Хорошо. Давайте разберемся. Мы только предположили, что произойдет с человеком, если он публично ударит другого. Как правило, его судят. А вот Жоголеву никто не судил. Она по-прежнему объясняет ученикам разницу между муссонами и пассатами. Инспектор Пролетарского района Рада Дмитриевна Милагина делает вид, что ничего не случилось. Она так и говорит:

— Ну и что? Ведь не искалечили!

А вот точка зрения директора школы Часовниковой:

— Зачем поднимать столько шума? Почему не решить все по-семейному, не посоветоваться, не покалякать за доброй педагогической чашкой чая? Так нет! Поднимается большой скандал, опрашиваются ученики. Это непедагогично!

Невозможно представить, что все это произошло в наши дни, что бурсовские оплеухи безнаказанно раздаются учителями, которые в свободное от занятий время произносят возвышенные слова о воспитании, о педагогическом долге и при случае не прочь подкрепить их цитатами из Макаренко и Ушинского.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что кое-какое наказание Жоголева понесла: директор ей объявила выговор.

Вероятно, Раисе Семеновне уже сейчас следует разработать тариф взысканий за различные виды рукоприкладства.

И заняться этим нужно скорей, потому что дурные примеры, по утверждению педагогов, заразительны.

Вот доказательство: педагогический зуд охватывает уже и завхозов и комендантов школ. Они тоже принимаются за «воспитание» детей.

Сергей Михалев и Валерий Федюнин из Борисоглебской школы-интерната тоже не знают, куда впадает Волга. Они маленькие, проходят курс наук во втором классе. В довершение ко всему — непослушные. Их еще надо воспитывать. Вы только подумайте, до чего они дошли! В бане, где они вместе со своими братьями по классу отмывали чернильные кляксы, мальчики самовольно (!) открыли кран. Фонтанов им, видите ли, захотелось! А возможно, решили устроить те-

чение Куро-Сиво в миниатюре. Кто их знает! И чуткая душа интернатского завхоза Н. В. Мосягина возмутилась. Он обрутал моющих троечников и начал раздавать плохи жилистой рукой. Зачем возиться, читать бормашинную мораль!

Примечательно, что Мосягин не получил даже выговора...

Автор фельетона, в прошлом активный пионер, должен честно признаться, что он не знает, какое именно ужасное преступление совершила восьмилетняя Лариса Вишневская, ученица интерната в Черкассах. Вероятно, это было нечто особо опасное. И учительница Н. П. Симчук не стала медлить. Она закрыла дверь класса на ключ и заботливо попросила девочку снять очки. А потом несколько раз ударила ее по лицу.

И, подумайте, малолетняя преступница оказала сопротивление! Пыталась кричать, звать на помощь. Но фокус не удался. Экзекуция была завершена, после чего Симчук велела девочке умыться и надеть очки.

Первоклассники, конечно, — ужасный народ! Что же тогда творится в четвертом классе? А в четвертом классе одной из школ Калининской области творится невообразимое: там курят! Даю вам слово. Ученик Виктор М. возымел желание культивировать страшный порок, с каковой целью достал папирос. И его учительница не рассмотрела, не прошла, как говорится, мимо. Она не стала читать растленному Вите нудную лекцию о вреде табака, а вырвала предмет разврата из уст школьника и принялась кормить его табаком.

Оригинальный педагогический прием сопровождался обильной порцией угощения по лбу, которое у ребят зовется «щелобанями».

К сожалению, описанные выше люди считаются педагогами, хотя они бережно хранят ветхий педельский вишмундир.

Не нужно объяснять, что бить нельзя. В советском обществе это аксиома. Ведь не будете вы разъярять шоферу, что он не должен давить пассажиров, никому не придет в голову требовать от рабочего, чтобы он не ломал свой станок. Это и так ясно. Зато, оказывается, на педагогическом фронте не все ясно. Нет полного понимания: бить или не бить. Кто может ударить ребенка? Только моральный урод или некультурный человек. Таких в нашей советской школе не должно быть.

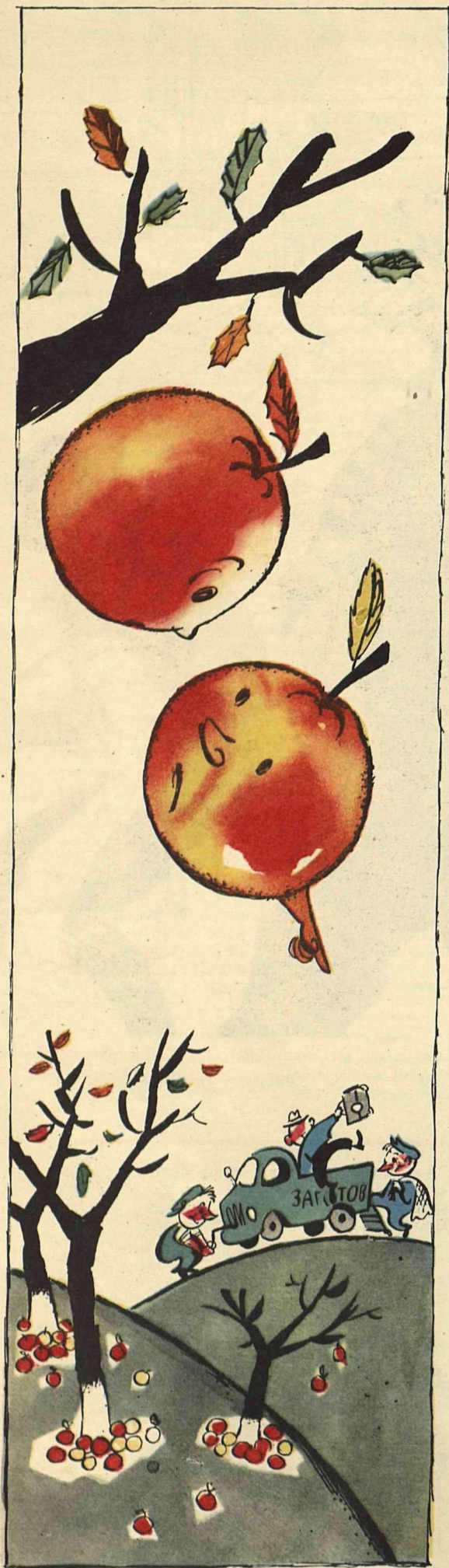
— А вот я знаю школу, — воскликнет какой-нибудь родитель, — где...

— Правильно! Есть такие школы. И педагоги там замечательные, и ученики знают все на «пять». Без подзатыльников и ухверчений. И таких школ в нашей стране подавляющее большинство. И все же недопустимо, чтобы даже в немногих подвизались люди, ничего общего с педагогикой не имеющие.

Пожалуй, найдется и другой родитель, этаким суровый, старого закала, который задумчиво скажет, что «по детям, мол, розга плачет», что не худо бы их время от времени посечь. Нет, малоуважаемый товарищ! Бить детей нельзя. Это уж вы как хотите. Существует прекрасная поговорка: «Женщину не бьют даже цветком».

К детям это относится тем более.

Вл. МИТИН.

— Эх, а эти опять не поспели!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

Крокодилские частушки

Прочь летят с дороги галки,
Мчит «Москвич» во весь опор —
Это едет Приезжалкин,
Предколхоза-гастролер.

* * *

Бюрократ один ретивый
Ежедневно к нам в село
Шлет по почте «директивы»
Весом в два и в три кило.

* * *

Наш совхозный агроном
Сресся с письменным столом.
Он забросил полеводство
И налег на письмоводство.

* * *

Каждый год болтун Федот
Обязательства берет,
Но на этом у Федота
И кончается работа.

* * *

Говорят, что наш Трофим
Стал новатором большим:
Он стихи и песенки
Пишет в виде лесенки.

* * *

Сочинили мы частушку
Про колхозную пастушку,
А сама пастушка эта
Сочинила два сонета!

Сергей ШВЕЦОВ

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Начальник Коломенского трамвайного управления тов. Косаренко обмакнул перо в чернила и написал:

«Уважаемые товарищи! Вы, видимо, совсем оторвались от жизни и потому красите трамвайные вагоны в непрактичный и легкомысленный желто-красный цвет. Да будет вам известно, трамваи не витают в облаках, они передвигаются по рельсам, уложенным на земле, и, естественно, пачкаются. Кроме того, их мочат дожди, засыпает их пыль. А мыть вагоны каждый день, извините, никому не хочется.

Короче говоря, нам пришлось исправить вашу ошибку: часть трамвайных вагонов, что вы нам прислали, мы перекрасили в немаркий, солидный черный цвет».

Тов. Косаренко подписался, сунул письмо в конверт и написал адрес: «Город Рига, вагоностроительный завод имени Урицкого».

Правда, письмо это отправлено не было. Но что касается черных вагонов, похожих на катафалки, таковые имеются. Окрашены они по воле тов. Косаренко. Будете в Коломне — увидите сами.

Г. С.

ЛЕС СПЛАВЛЯЮТ ЧЕРЕЗ ГОЛОВУ НАЧАЛЬСТВА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Ворон гоняешь?
— Нет, поля удобряю!

Рисунок И. СЫЧЕВА

«Пейте соки!». «Пейте воды!». Даже в аптеке висел плакат: «Пейте лекарства!».

Спекулянт убеждал: «Разве это дорого? Фунт винограда — не фунт изюму!»

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Сердце не камень. Камни бывают в печени.

Пример железной логики: металлолом — резерв металлургии.

Распределяя путевки, он с уверенностью напевал: «Черное море — мое!»

И. СМИРНОВ

г. Курган.

Надпись над кроватью лодыря: «При пожаре выносить вместе с постелью».

Никто не соглашался на обмен комнаты. Фамилия соседки была Ведьман.

А. КИРНОСОВ

г. Ленинград.

Плевое дело

Не каждое дерево со временем становится корягой. Хотя каждая коряга была когда-то зеленым деревом. Единственное, что обычно остается у коряги зеленого, — это тоска.

Поэтому в городе Шостке прохожие обходят стороной дом № 4 по улице 9 января: они боятся споткнуться о кражистого мужчину, который с первобытной тоской следит за недостижимыми, исчезающими вдали жертвами. Его цепкий, алчущий взгляд, кажется, говорит: «Не проходите мимо!»

Тоскующего зовут Михаилом Гавриловичем Лихородом.

Скамейка, до блеска отполированная суконными галфе Михаила Гавриловича, служит чем-то вроде дозорной вышки, с которой он следит: кто куда, кто за чем, кто с кем... Последнее его интересует особенно. Оно наводит на мысли.

Этот тоскующий инвалид третьей группы по неприятному для него заключению седобородых профессоров из шосткинской, сумской, харьковской и прочих клиник мог бы заниматься небольшой организаторской работой в любом учреждении. Но коммунист Лихород предпочел большую организаторскую работу на дому. Бескорыстно, на общественных началах он организовывал сплетни. И не только в своем дворе.

Вершиной его шумной деятельности явилась статья в домовой стенгазете, разоблачающая преступную деятельность гражданки Квашиной. Вышеозначенная гражданка сушила на балконе белье, в числе коего были трусики ее сына. До глубины души оскорбленный видом чужих трусов, Михаил Гаврилович в сатирическом стиле до конца

разоблачил аморальный поступок гражданки Квашиной.

Отклики последовали незамедлительно. — Чихать я хотела на вашу статью! — лаконично заявила раскритикованная.

На следующий день мир залихорадило. У американцев на мысе Канаверал сорвался запуск очередного спутника. В английском парламенте бурно дебатировался вопрос о вступлении в «общий рынок». На парижской бирже упал курс акций. А на двери Лихорода появился плевок.

— Это все Квашиха! — воскликнул Михаил Гаврилович, имея в виду последнее событие. — Хотела чихать, а плюнула! Ты кого во мне подразумевала, когда плюнула? Соседа или корреспондента сатирического органа?! — спросил он стоявшую на балконе Квашину.

— Никого я не подразумевала и не плевала. Ты видел, что это я сделала?

— Я слышал! А для меня, бывшего руководящего работника, слышать — это все равно что видеть. Пошли на анализ...

Но подозреваемая категорически отказалась идти сдавать слюну в лабораторию. И тогда Лихород решил, что в этом плевке, как в капле чистой воды, отразилось наплевательское отношение гражданки Квашиной к критической печати.

Благодаря организаторскому таланту и неограниченному досугу Михаилу Гавриловичу удалось заполнить письменные свидетельские подтверждения, что в 10 часов 15 минут по местному времени на его двери действительно появился плевок. И хотя никто не подтверждал, что это сделала именно та гражданка, которую хотел иметь

в виду Лихород, плевое дело завертелось.

Взяв свидетельские показания, какие были, и статью в сатирическом органе, неутомимый пенсионер вспомнил, что врачи предписали ему больше двигаться, и двинулся прямо в милицию, а затем в городскую газету...

Пока он двигался, акции на парижской бирже упали еще на два пункта, а на его собственной двери появилось нечто похожее на новый плевок. Может быть, эти два события и не были взаимосвязаны, но Лихорода это подхлестнуло вдвойне.

С цепкостью выдавшей болотные виды коряги он приставал к жильцам, для которых наступили пасмурные дни.

Лихород, как пыль из ковра, выбивал из соседей письменные показания о том, что перед дверью гражданки Квашиной вместо половика лежат старые штаны довоенного образца, что ее сын безнаказанно катается на общественных перилах и другие сенсационные сведения.

Когда вес этих ценных бумаг достиг килограмма, Лихород бросил их на весы Фемиды, потребовал незамедлительного выслушания Квашиной.

Но на суде Михаилу Гавриловичу в доступной форме разъяснили, что два плевка, да еще когда неизвестен их автор, не образуют состава преступления.

Лихород все понял.

Он ждет третьего плевка.

Андрей ВНУКОВ,
Николай КНЯЗЕВ,
специальные корреспонденты
Кронодила

г. Шостка, Сумская область.

Они зашли в кафе и, уютно расположившись в уголке, заказали по бокалу сухого вина.

— И все-таки равенства нет,— видимо, продолжая прерванный разговор, сказала Райшене. Она глубоко вздохнула, подперев рукой отяжелевшую от столь оригинальной мысли голову.

— Какое уж там равенство,— горячо отозвалась Чепулите,— если даже наша женская печать против нас! Мужчинам можно курить да и пить, хоть изредка, но разрешается, а нам? То нельзя, это неприлично... Стали бы мы пить сейчас эти слезы в бокалах, если бы не так называемое «общественное мнение»!

— Ни дома, ни на работе нет покоя,— поддакнула третья участница разговора, розовощекая Руткаускене, которую за глаза все называли ягодкой.— Утром надо первой встать, разбудить мужа и послать за молоком для кофе...

— О, эти мужья! Сплошная неповоротливость.

— Мой, видите ли, наотрез отказался мыть полы!

— А я своего никак не научу печь блинчики.

Райшене и Руткаускене так энергично ругали своих спутников жизни, что еще незамужняя Чепулите прямо-таки не могла слова сказать. А у нее по этому вопросу были свои соображения.

— Любовь...— начала было Чепулите, но ее перебила Руткаускене, та самая, которую за глаза все называли ягодкой.

— На работе, если на минутку задержишься перед зеркалом, тут же назовут мещанкой. На днях посетителей с утра было немного, и я сбегала в парикмахерскую сделать маникюр (ведь все знают, что в рабочее время туда легче попасть). Мой начальничек так раскричался! Люди, видите ли, ждут, а вы разгуливаете. А мы что, не люди, позвольте вас спросить? Да что там говорить, женщина до сих пор не считается полноправным человеком...

— А любовь... Как топчется любовь!— вмешалась наконец в разговор Чепулите.— Еще с древних времен известно, что женщина создана для любви, ну а любовь, разумеется, для женщины. Но попробуйте влюбиться. В кого? В кого, я вас спрашиваю? Тот уже женат, и этот женат, а тот старый холостяк. Если богат или занимает большой пост, то влюбишься— и сразу со всех сторон: это она из-за денег, это она ради «Волги»! А если, например, влюбишься в молодого студента без «Волги»— опять плохо! Сбиваешь с пути молодого человека. Аморально. Тут же, пожалуйста, на обсуждение профсоюзного собрания. Вот вам благородная любовь, вот вам уважение к женщине!

— А кто у вас председатель месткома?— спросила Руткаускене.

— А эта, Веблаускене.

— Баба?

— Баба, конечно.

— Ясно, уж если баба дорвалась до власти, то хорошего не жди.

Когда были обсуждены все животрепещущие вопросы, начало темнеть.

Райшене позвонила мужу (тому самому, который никак не мог овладеть искусством печь блинчики). Он приехал на такси и развез бесправных женщин по домам.

Перевела с литовского Е. КАНТОР.

«ЧЕСТНЫЙ» ВОРОБЧИКОВ

Зарплата воробьиная,
А ходит, как павлин!
Улыбочка невинная:
— Я честный гражданин!
Кивнешь на оперение —
Тебе же он в укор:
— А что за подозрение?!
Не пойман я? Не вор...

«ПРИМЕРНЫЙ» НАЧАЛЬНИК

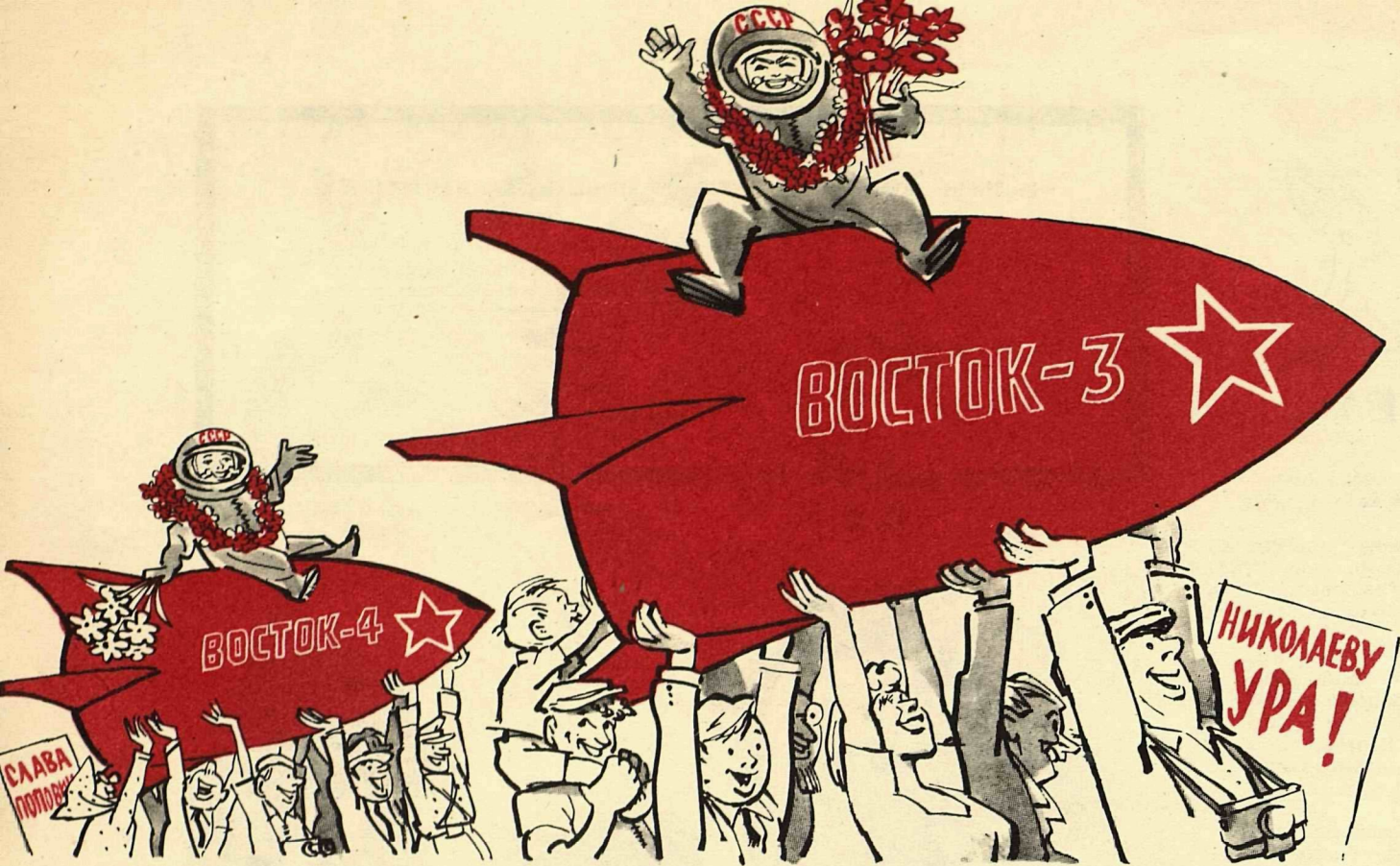
С подвластными — ни рюмки в рот:
«Еще лишусь авторитета!..»
Но в кабинет свой лишь пройдет,
Как шепот:
«Снова тяпнул где-то...»

В. КРИВОКОЛЫСКО

— Где здесь столовая?

Рисунок Е. ШУКАЕВА

РАКЕТОНОСИТЕЛИ.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Владимир ИВАНОВ

МЕСЯЦ РЕПОРА

СКАЗКА

Видел Месяц Месяцovich,
Как герои-земляки
Николаев и Попович
Смело делали витки.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

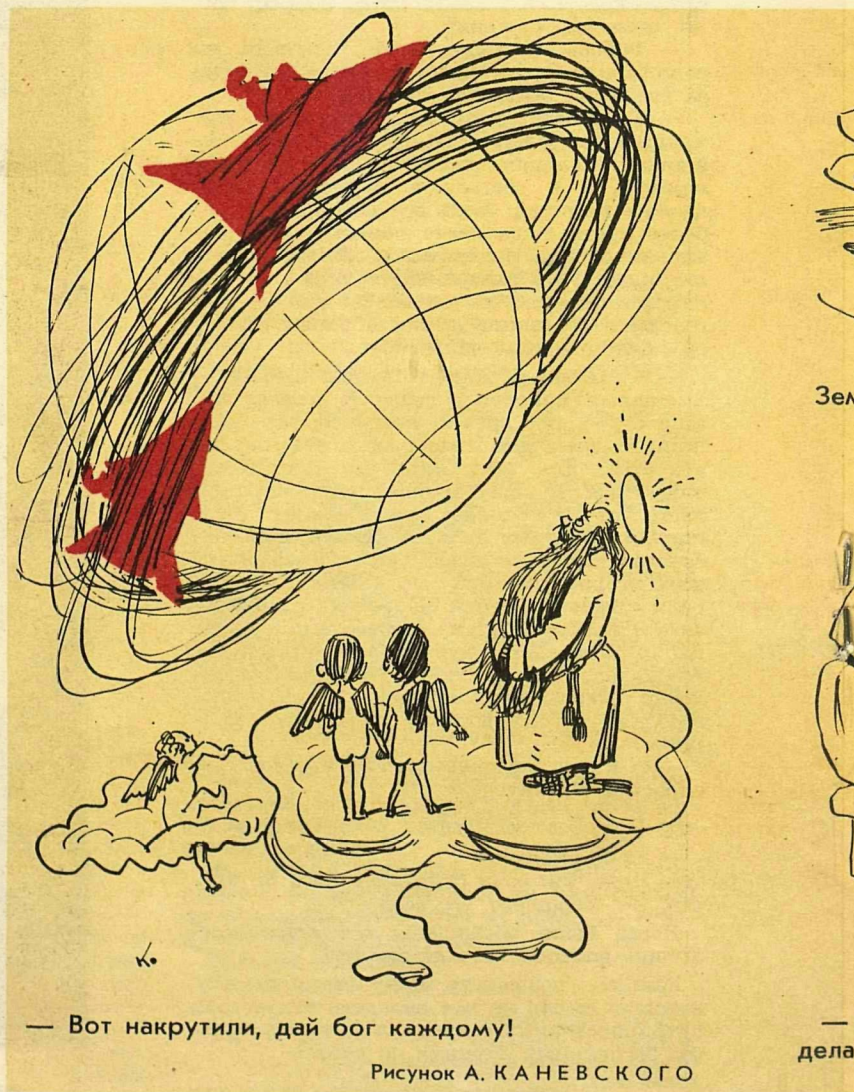

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Зем

дела

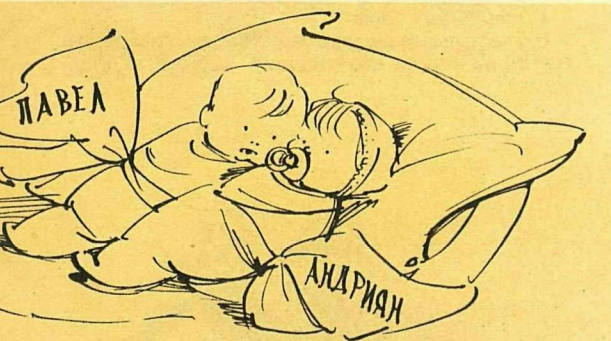

ЖЗВЕЗДНЫЙ

ТАЖ

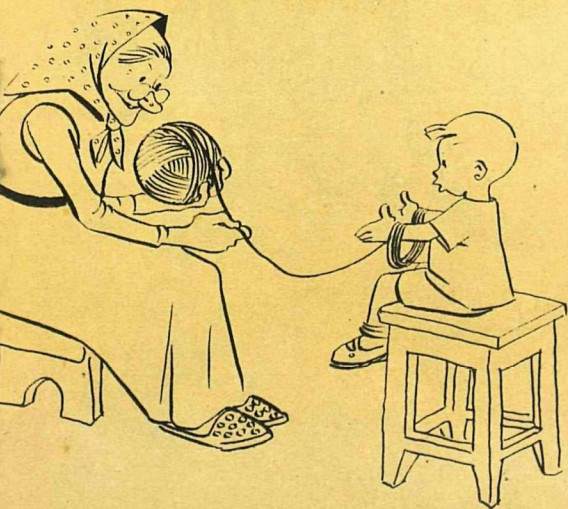
А - Б Ы Л Ь

Скажут: сказка былью стала?
Нет, у фактов больше вес —
Даже в сказках не бывало
Столь диковинных чудес!

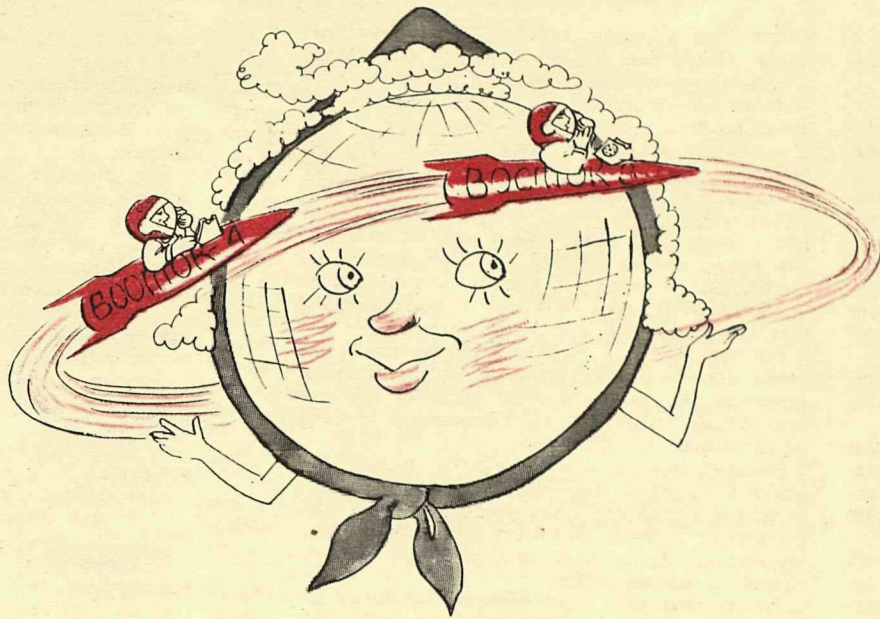
...ные братья.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Бабушка, а ты сколько витков будешь
...ть?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Эти парни кому угодно вскружат голову!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Юрий БЛАГОВ

НАШИ ЧУДО-ЧУДЕСА

Мир от края и до края
Загляделся в небеса,
С восхищеньем озирая
Наши чудо-чудеса.

Космос нем, согласно правил,
Замер звездный океан,
Только слышно: «Как там, Павел?»,
«В лучшем виде, Андриян!».

Чудеса за чудесами
День показывает наш:
Оказались близнецами
Украинец и чуваш.

Знает люд Венесуэлы,
Сингапура и Афин:
Есть в Чувашии Шоршелы,
Есть под Киевом Узин.

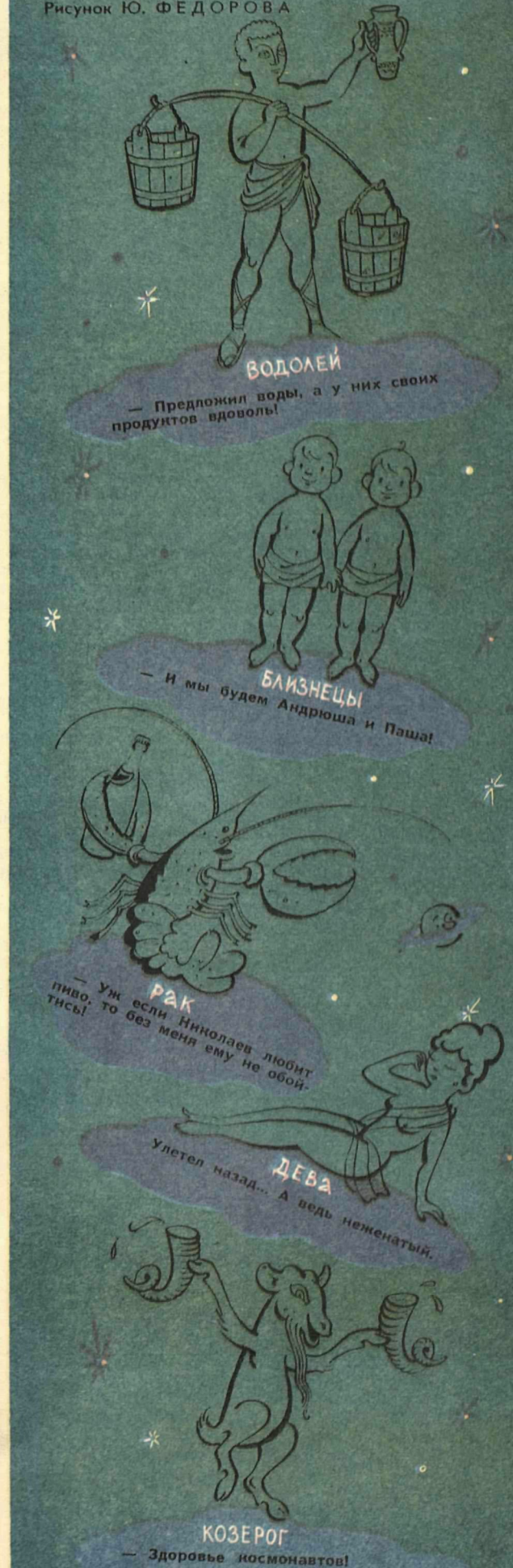
Победил «Шахтер» уменьем,
Подал выдержки пример
И отмечен поздравленьем
Был из самых высших сфер.

Космонавты в звездной дали
Ни при свете, ни во мгле
С неба звезд хватать не стали —
Звезды ждали на Земле!

Нам весь мир присвоил званье
Покорителей небес,
Ждите в будущем, Земляне,
Не таких еще чудес...

Космические интервью

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ОПАСНАЯ МЫСЛЬ

Откуда взялся писатель Триптих, точно неизвестно. Говорят, что раньше он служил в граммофонном отделе универмага.

Последнее время Триптиху не по себе. Многие лета на обсуждениях, дискуссиях, юбилеях Триптих выступал по своей испытанной системе.

Слушал трех-четырех ораторов, ухватывал главное направление и начинал быстро и взволнованно выражать совершенно то же самое. Ради придания речи творческого своеобразия, писательского колорита в ход пускались испытанные приемы, а именно: непосредственность, взволнованность, пафос, жизненные примеры и наблюдения.

Из этого Триптиха, может, получился бы талантливый актер-импровизатор. Ах, как он избражал взволнованность!

Особенно хорошо удавались заранее придуманные оговорки, работавшие на графу «непосредственность». Вы как бы присутствовали при кипении, бурлении, клочкотении мысли. Не сразу находит оратор нужное, точное слово:

— Пусть на меня обидится уважаемый автор, вот. Но я не могу не сказать, дорогие мои, о моем невыразимом, вот, волнении. О том впечатлении, которое на меня произвела его книга. Это праздник, вот. Как сейчас помню, я ехал в поезде. Ехал я в поезде. Кругом раскинулись необозримые поля, луга, одним словом. Вот. Вы понимаете, что я хочу сказать? Нет, почему же огороды? Совсем не огороды. Просторы, вот. Эта книга — она зовет. Она зовет нас вперед, и я протягиваю руки и говорю: давайте вместе идти вперед! Именно такие книги нужны нам, товарищи! Они зовут нас в это прекрасное, светлое. Вот в это они зовут нас. Вот.

Много лет держался Триптих на одной лишь эмоциональной пене. Если бы Триптих умел создавать афоризмы, он бы изрек: «Я не из тех писателей, которые пишут. Я из тех писателей, о которых пишут».

Репортеры привычно строчили: «С взволнованной, темпераментной речью выступил тов. Триптих» или: «Ярко и убедительно раскрыл...»

Шли годы. Годы шли. Вот. (Извините, очень прилипчивое словечко.) Триптих выступал все длиннее. Репортеры писали все короче. «К этому мнению присоединились гг. Триптих, Ублажаев и Амба». Или: «В обсуждении приняли участие также гг. Триптих, Ублажаев и другие».

Наконец, последний звонок: «Выступили также Ублажаев, Триптих и др.»

Еще один шаг, еще одна ступень — и глухая пропасть забвения, именуемая «и другие», поглотит его звучное имя.

«И другие» означает, что в Домах творчества не будет отдельной комнаты.

«И другие» означает, что, записавшись в прения не сразу, можно вообще не получить слова. А записываться заранее Триптих не может, поскольку куда гнуть, ему неведомо.

Пропасть забвения была совсем близко. Как пишут в детективных романах, гибель казалась неминуемой. И вдруг Триптих пружинно подскочил и перелетел на другую сторону пропасти, вот, — забвения.

Вместо жизнеутверждающего «вот» теперь он к

месту и не к месту вставлял нигилистическое «нет». После трех-четырех ораторов брал слово и весьма эмоционально, опять же задушевно, приводя жизненные примеры и прочая и прочая, начинал возражать предыдущим товарищам:

— Кругом что? Луга, поля, огороды. Да, да, именно огороды. Не просторы, как некоторые утверждали в те нелегкие времена. А в книге нет ничего нового. Эта книга — праздник. Она зовет нас вперед. А я протягиваю руки и отвечаю: нам нужны книги, которые не зовут нас вперед. Не бодрой, не передовой должна быть наша творческая палитра. Нам не нужна жизнеутверждающая литература. Не нам нужна литература.

Его так мутило и выворачивало наизнанку на слове «нет», что даже выдавшие виды репортеры терялись. Но затем уверенно находили обтекаемую форму отчета: «С гг. Ублажаевым и Амбой согласился тов. Триптих».

Какая-то девица, воспитанная на чистом Дебюсси с нечистой примесью Би-би-си, призывно верещала в телефон: «Есть новость. Ужасно смело говорил Триптих. Это было прогрессивное выступление... Заходите ко мне, расскажу подробненько. Я все записала».

Триптих выступал и все повторял: «Нам не давали. Не рекомендовали. Неправильно ориентировали. Не нацеливали писать талантливо, вдохновенно. И потому мы не могли. И я не писал талантливо. Вообще не писал. Не имел возможности выразить. Теперь нам создали условия, и мы выразим».

Какую бы, собственно, мысль выразить? Триптих не затруднял себя таким вопросом. Выразить он не собирался. Решил, что новой пластинки хватит надолго. Можно будет несколько лет хватать тем, что он, Триптих, ничего не писал, и гордо козырять своей пустотой, яко особого рода доблестью.

Но прошло полгода, год, и даже знойные девицы перестали вслушиваться в монотонные шелестения: «Нам не давали... Мы не могли...»

Писатели, между тем, писали. Кто как мог. У одних не получалось, у других получалось. Люди работали.

Триптих издавал только звуки. Он ухватывал, подключался и доходил до абсурда, всегда занимая одну и ту же позицию: самую шумную.

Пластинка, впрочем, истерлась удивительно быстро. И снова чуткие репортеры отмечали: «Выступили также Амба, Триптих и другие».

И вдруг Триптих замолчал. Притих. Ибо пришла наконец к нему, к Триптиху, Мысль.

Пришла и ехидно сказала:

Не тот, товарищи, писатель,
Кого не знает наш читатель.
А тот, товарищи, писатель,
Кого читает наш читатель.

Мысль не уходит, буксует на месте. Триптих больше не выступает. Опасно: вдруг забудется, проговорится и эту мысль выразит?

Александр ЛАЦИС

КОМЕДИЯ

В кинотеатре в центре города
С утра билетов в кассе нет.
Но рядом с кассой втридорога
Вам спекулянт продает билет.
Сил не щадя, с такими лицами
Боролась местная милиция,
Боролась с ними патрули,
Но побороть их не могли.
Но вдруг (и сам того не ведая)
Помог им Главкинопрокат:

Он новых три кинокомедии
За месяц выпустил подряд.
И разных типов подозрительных
Теперь у касс в помине нет —
Готовы сами кинозрители
За полцены отдать билет!

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

г. Ленинград.

По левому сектору головы пролегал пробор — вдохновенное произведение парикмахерского искусства. В палисаднике у ревностного хозяина бывают такие ровные, утрамбованные дорожки.

Страна жила своей жизнью, он — своей. Осторожно шел задами, задворками, и ликующий пробор ему как-то удавалось донести до наших дней.

Он, директор клуба, считает себя честным человеком: никогда не совершал никакого уголовного деяния. Аккуратно ходит на службу. Не на работу, а на службу.

На вопрос, что он в ближайшее время думает делать в клубе, директор отвечает своей стародавней остротой:

— В служебное время думать не полагается.

Не уважает жуликов, но понимает их: жулик жульничает ради корысти.

А вот Марию Егоровну — художницу при клубе — категорически отказывается понимать. Чего она так кипятится? Почему волнуется? Отчего она любит спорить?

Директору клуба приходится часто соприкасаться с художниками, музыкантами, артистами.

Бросив небрежный взгляд на новую картину — деревенский пейзаж, — директор говорит:

— Интересно, сколько он загреб за этот ручеек?

Его спрашивают:

— У вас вчера выступал известный тенор? Ну как?

— Прекрасно. Чистый коверкот. Новый костюмчик. Великолепно спит!

О другом артисте он говорит:

— Плохо владеет вокалом. С его голосом я имел бы не такую дачу.

В области чистого искусства его главным образом занимало, какую машину купил себе композитор Зет и во что обошлась лимонного цвета столовая у контральта Игрековой.

В клубе, руководимом человеком со сверкающим пробором, как будто все в порядке — и вечера, и олимпиады, и смотры самодеятельности, и лекции, и...

И зеленая тоска.

Но зато какими радужными диаграммами увешаны стены его уютного кабинета! Раз-

Рисунок О. ГРИГОРЬЕВА

ДЕЛО НЕ В ПРИЧЕСКЕ

Снял телефонную трубку.
— Алло! Здоров, Вася! Что нового? Выходим на первое место по бильярду. Дай информацию. Завтра у нас роскошный концерт.

Набирает новый номер.
— Дмитрий Петрович! Доброго здоровья. Заглянули бы завтра к нам... Роскошный концерт. Чистая эстрада... Я понимаю, конечно, но нельзя же так работать. Надо когда-нибудь развлечься. Жду, Дмитрий Петрович. С супругой, конечно.

Ну и скука! Не пойти ли поупражняться на бильярде? Вызывает секретаря.

— Посидите тут. Если меня спросят, скажите: ушел в обком союза.

— А если позвонят из обкома союза?

— Скажите, что ушел в ЦК союза...

Последние дни он не в духе. И виной этому все та же художница, неутомная Марья Егоровна. Задумала, чудачка, канителиться с детским драмкружком.

— Никкак не пойму, зачем это ей?

Детский драмкружок выпадал из планов директора. Возни много. А он терпеть не может возни. Но разве эту чудачку можно в чем-нибудь убедить? Ей вздумалось организовать лермонтовский вечер.

— Новая напасть! Еще Лермонтов на мою голову! А хоть бы и сам Достоевский... Ни одной копейки на Лермонтова!

Все же он пошел на репетицию. Он сидел и думал: «Зачем это ей нужно? Может, насчет Лермонтова есть специальная директива, а я не в курсе?»

Он быстро поднялся, вошел к себе в кабинет, плотно закрыл дверь. Затем подошел к телефону, набрал номер.

— Товарищ Рыбченко? Это я. Когда будет заседание? Хочу доложить о детском драмкружке. Я тут затеял лермонтовский вечер. Кто? Вы же знаете мой аппарат. Все приходится самому делать...

Это произошло месяц назад. А вчера я его опять встретил. Он был в новом сером костюме — премия за Лермонтова.

И новость: пробор исчез. Директор ходил бритоголовым.

Других перемен в нем не было. Дело, как видите, не в прическе.

Г. РЫКЛИН

Ю. НИКОЛАЕВ

Реплики

НОВОСТИ
ЭКРАНА

Фильм «Я люблю тебя безумно»
В кинокругах шумел, как молот:
Сперва его ругали шумно,
Потом пустили под шумок.

ЕЩЕ
О РЕНТГЕНОЛОГАХ

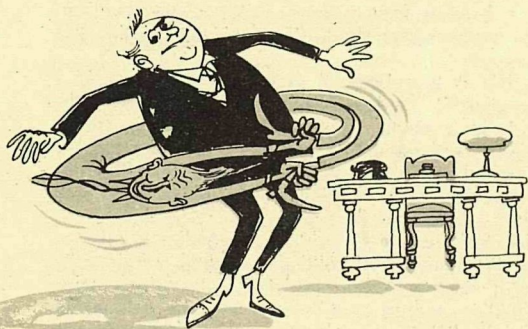

К бизнесменам нашим в плен
Угодил старик Рентген:
Есть желудочная самба
И межреберная мамба.

ЭХО

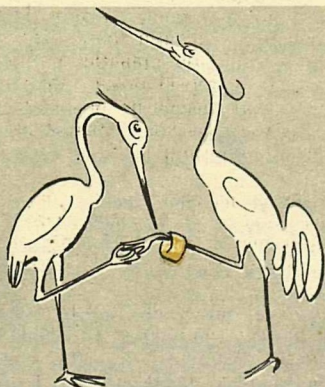

— Прекрасна песня «Градина!» —
Сказал музыковед.
— Талантливо украдено! —
Послышалось в ответ.

Хула-хуп и подхалим.

Рисунок Б. САВКОВА

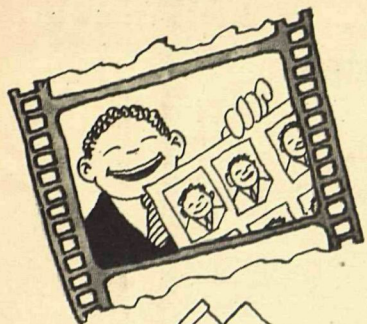
— Скажите, это у вас обручальное кольцо?
Рисунок М. БИТНОГО

До отхода электрички — минута.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

СВАДЬБА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Некий оригинал, увидев на картине перевернутую вверх дном рыбацью лодку, долго допытывался: утонули рыбаки или спаслись? Сейчас таких чудачков немного. Люди с полуслова понимают, что к чему, и развеивать им все до состояния манной каши нет никакой необходимости. Если в художественной кинокартине показывают магазин и рядом сладко спящего сторожа, вряд ли сыщется недотепа, который будет спрашивать: обокрали магазин или нет? Если кинофильм завершается поцелуем под занавес, ясно, что за этим поцелуем последует свадьба.

Еще проще обстоит дело с научно-популярными фильмами. Когда на экране появляется какая-нибудь научно-техническая новинка, а голос диктора торжественно возвещает: «Скоро на наших полях появится...», или «Скоро наша промышленность получит...», или «Не позднее конца года народное хозяйство обогатится этим замечательным...», — то все уже ясно. Ясно, что нечего приставать к работникам киностудии с неуместными вопросами. Обещание будет выполнено. Раз прозвучал поцелуй, свадьба состоится.

ТРЕНОГА И ПРОГРЕСС

Шесть лет назад мы смотрели фильм под названием «Фотоавтомат», заснятый студией научно-популярных фильмов в московском ГУМе. Очень запоминающийся фильм. Человек зашел в бокс, напоминающий телефонную будку, пригладил вихры, поправил галстук, опустил жетон ценной в двугривенный, принял героическую позу и через 30 секунд получил полдюжины свеженьких, еще пахнущих закрепителем фотокарточек.

Хорошая и полезная штука — фотоавтомат! А главное, с перспективой. Нам представлялось, что фотоавтоматы завоевали место в быту. Они стоят на улицах, рынках, пляжах, в загсах. За оперативность их полюбили суровые работники отделов кадров и милиции. Фотоавтомат полностью вытеснил человека с треногой, которому осталось, переменяя профессию, стать сварщиком, шофером или писателем...

Но вот на днях нам понадобилось срочно сфотографироваться.

— Пошли поищем фотоавтомат! — бодро воскликнули мы и отправились на поиски.

Увы! Мы так его и не нашли. Нам предлагали свои услуги всякие другие автоматы. Одни заботливо снабжали нас спичками и ученическими тетрадами в косую линейку. Другие стремились утолить нашу жажду томатным соком. Третьи любезно опрыскивали нас «шипром» и «тройным цветочным». Но фотоавтомата среди них не было. Поцелуй прозвучал — свадьба не состоялась.

По всей стране по-прежнему фотодействуют те же человеки с треногами. Накнув на плечи байковые одеяла, они грозно нацеливают на оробевших клиентов приспособления, похожие на ящик чистильщика сапог с торчащим из него куском водопроводной трубы, и сурово требуют:

— Улыбочку, гражданин! Не кривитесь... Закройте рот...

На курортных пляжах элегантные кавалеры в широкополых шляпах и сатиновых трусах до колен предлагают купальщикам сфотографироваться, лежа на деревянном орле величииной с ломовую лошадь или под сенью фанерного кактуса.

Да, люди с треногами стойко выдержали натиск технического прогресса. Они дали бр... автомату — и выиграли его! Выиграли, несмотря на то, что на стороне последнего — пудовые тома постановлений и директив, категорически предписывающих установить фотоавтоматы на всех перекрестках.

Заснятое на киноплёнку чудо техники так и не нашло себе места под солнцем. Если, конечно, не считать того чулана, где оно в единственном экземпляре продолжает поражать пылкое воображение посетителей ГУМа быстротой и культурой фотообслуживания.

Конечно, если бы роковая «тренога» стояла только на пути фотоавтомата, то, может быть, и не стоило бить в сатирические колокола. Но давайте вернемся к обещаниям кинодиктора, который заверял нас, что «скоро наша промышленность получит очередную новинку», поищем ее в цехах заводов и фабрик.

СКОРОСШИВАТЕЛЬ НА ЗАКЛЕПКАХ

Несколько лет назад киноэкран изумлял зрителя двумя чудесными индустриальными новшествами: сваркой без пламени и клепкой без грохота.

К корпусу пришвартованного на экране морского лайнера перепонки пневматикой наперевес, а к перерубленному многожильному кабелю не подтаскивали лебедками сварочный агрегат размерами в киоск «Союзпечати». Компактные приспособления для бесшумной клепки и холодной сварки, легко умещавшиеся в футляре для флейты, быстро и надежно латали стальной корпус корабля, сваривали металл сечением от вязальной иглы до железнодорожного рельса.

В зале еще не стихли восторженные «ахи» и «охи» кинозрителей, а посланцы промышленности, потрясая заявками, уже барабанили в двери научно-исследовательских институтов.

— Мы свое дело сделали, — отвечали производственникам в НИИ кабельной промышленности. — Приспособление для хо-

лодной сварки сконструировали, экономический эффект подсчитали, рекомендации дали. Теперь дело за Госпланом!

Производственники спешили в Госплан СССР.

— Слыхать — слышали! — сообщили там. — Наведаетесь-ка в Госплан РСФСР!

— Действительно, — соглашались в Госплане РСФСР, — такое приспособление имеет место. Загляните в Госэкономсовет!

— Не только место имеет, но и славу экономичного и высокоэффективного метода завоевала холодная сварка, — подтвердили в Госэкономсовете. — За справками обратитесь в ВСНХ!

И ВСНХ действительно дал исчерпывающую справку.

— Фильм видели? — переспросили там. — Видели. Адрес НИИ кабельной промышленности знаете? Знаете. Вот туда и идите!

Круг замкнулся.

Бесшумной клепке «повезло» больше. В отличие от холодной сварки, которая вот уже шесть лет прозябает в виде «опытных образцов», приспособление для бесшумной клепки поставлено на серийный конвейер. Сериями по... десять штук в год! Хотя только в НИИ тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, где его сконструировали, заявки от промышленности поступают сотнями.

Нет, здесь дело уже не в Госплане, Госэкономсовете или ВСНХ. Изобретение не внедряется в производство потому, что дирекция НИИ тракторного и сельскохозяйственного машиностроения считает, что... торопиться некуда.

— Вот полежит немного, дойдет, а тогда уж и будем предлагать его для массового производства.

А «лежит» и «доходит» оно с... 1958 года! Словом, изобрели, опробовали, удивили научно-популярным фильмом, а потом сунули заявки промышленности вместе с приспособлением для бесшумной клепки в скоросшиватель и без шума же поставили на нем надежную канцелярскую заклепку.

ПОРОСЕНОК В РАЗРЕЗЕ

А сколько сельскохозяйственных чудес демонстрировалось в свое время на наших экранах! Одному кинопрокату известно.

Пару лет назад сельскому кинозрителю показывали чудесную свиноферму. Поросята там росли и жирели буквально на глазах, хотя кормили их не гурьевской кашей, а пастой из древесных опилок и камыша. Высококалорийную пасту вырабатывали на Белгородском заводе белковых кормов.

Необычно выглядел и киномасокомбинат, куда откормленные на ферме поросята торопились, чтобы превратиться в буженину и прочие деликатесы. У ворот комбината не слышалось привычной перебранки погонщиков, свиньи, которым «на глазок» занизили упитанность, не визжали от возмущения, колхозники не размахивали безменами...

Приемка поросят проходила в обстановке полного доверия и дружеского взаимопонимания. Приемщик в белоснежном халате прикасался к пороссятам ультразвуковым щупом — и на шкале специального приборчика тотчас же можно было увидеть толщину слоя сала и всякие другие пороссячьи подробности. Приборчик не позволял принимать животных «на глазок».

На киноэкране все было хорошо и мило. Но если бы сельский кинозритель, скажем, из-под Тамбова или Воронежа, захотел накормить дюжину своих поросят такой пастой, то на расходы по ее транспортировке ему пришлось бы распродать все остальное поголовье. Ни под Тамбовом, ни под Воронежем, ни в других местах заводов белковых кормов нет. Есть один-единственный — в Белгороде.

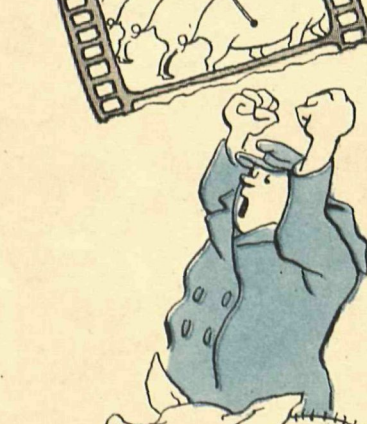
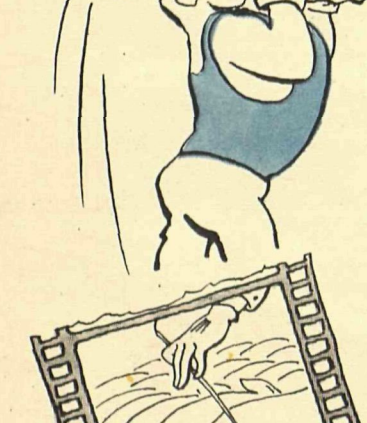
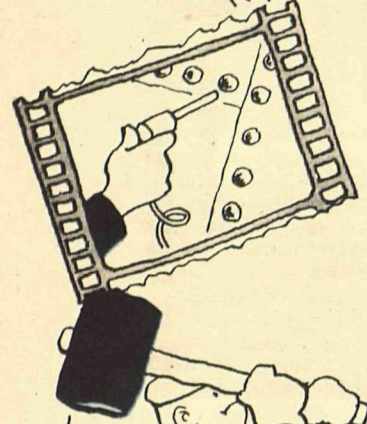
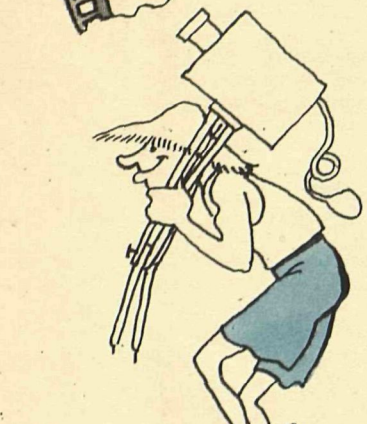
Не желая расстаться с местом своего рождения и ультразвуковой щуп для определения упитанности свиней, сконструированный в Новочеркасском зооветеринарном институте. При таких темпах внедрения нового ценного изобретения доберется до колхозно-совхозной фермы не быстрее, чем тамбовский поросенок, соблазненный вкусовыми качествами белковой пасты, дотрусит до Белгорода!

Мы с приятным удивлением любим, как лихо тракторы поднимают на киноэкранах зябь без помощи тракториста, который тем временем пишет заметку в стенную газету. Мы с радостью знакомимся с новейшими линиями поточного ремонта автомашин, с мощными прокатными станами, с микрохолодильником на полупроводниках, который можно поместить в кармане пиджака, со специальным лечебным молоком, на доенным от простой коровы, с ультразвуковой бормашиной, лечущей зубы без боли, и многими-многими другими чудесами науки и техники.

Но как часто эти чудеса, блеснув на киноэкранах, так и не появляются ни на полях, ни на заводах, ни в наших квартирах! Они находят свое надежное убежище в круглых жестяных коробках для кинолент и покоятся в отделениях фильмотек с грустной надписью: «Архив».

Да, Видимо, от поцелуя до свадьбы в некоторых случаях путь длинен и тернист. То Госплан не торопится, то совнархоз не спешит, то Госэкономсовет не помогает... Словом, подчас кинопоцелуй ведет не к уставленному фиалками и розами столу загса, а в пыльный тупик косности и равнодушия!

А. ГОЛУБ,
Г. СОМОВ

КРОКОДИЛЬСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОЧЕТНЫЕ НАГРАДЫ

В известной американской тюрьме Синг-Синг введены ордена нескольких степеней для заключенных, отличающихся хорошим поведением. Администрация тюрьмы указывает при этом, что тот, кто после освобождения из тюрьмы сможет сослаться на эти ордена, будет... преуспевать в деловой жизни».

БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ

Одно из копенгагенских бюро путешествий предлагает туристские поездки к берегам Гренландии на большой яхте. «Гвоздь» рекламы заключается в том, что яхта «Полярная звезда» принадлежала в свое время Герману Герингу. Очевидно, по мнению бюро путешествий, поездка на этом судне — большая честь для туристов.

МОЛИТЕСЬ, СТУАРДЕССЫ!

По просьбе председателя итальянской авиакомпании Ал-Италия графа Николо Карандини Ватикан объявил святой Бону Пизскую покровительницей самолетных стюардесс. Согласно изданной Ватиканом официальной биографии, святая Бона обладала «исключительной красотой лицом» и «всегда улыбалась». Всю свою жизнь она путешествовала, посещая святые места и заботясь там о паломниках и пилигримах. Веселая красавица скончалась в 1208 году после долгой болезни. В биографии, однако, не сказано, явилась ли эта болезнь результатом авиационной катастрофы.

ПОЛМИЛЛИОНА ПОРЦИЙ ПРОПАГАНДЫ

Добрый дядюшка Сэм питает исключительную любовь к своим латиноамериканским племянникам. Когда дядюшка узнал, что в одной из стран, придушенных его отеческой заботой, голодают дети, он послал им богатый подарок. В Перу было отправлено 500 тысяч бумажных стаканчиков для школьных буфетов. Стаканчики украшены миленьким цветастым рисунком: на них изображены карты США и Перу, соединенные «трубопроводом». По замыслу авторов рисунка, перуанские дети, едва взглянув на стаканчики, должны захлопать в ладоши и запеть гимн, прославляющий бескорыстную американскую «помощь», текущую по трубопроводу неубывающим потоком.

Конечно, американские благодетели не предполагают, что осчастливленные школьники могут возмутиться и сказать:

«Противный дядька Сэм! Ты обманщик и плут. Заткни свой ненасытный трубопровод, по которому ты выкачиваешь плоды трудов наших пап и мам. Забирай свои куклы, которые по-взрослому называются марионетками, и убирайся из нашей страны».

К счастью для дядюшки Сэма, перуанские первоклассники, слабо разбирающиеся в международной политике, этого не скажут. Зато их папы и мамы, по горло сытые американской «помощью» и американским вмешательством во внутренние дела их родины, могут сказать. Обязательно скажут — не сегодня, так завтра.

Трубачи

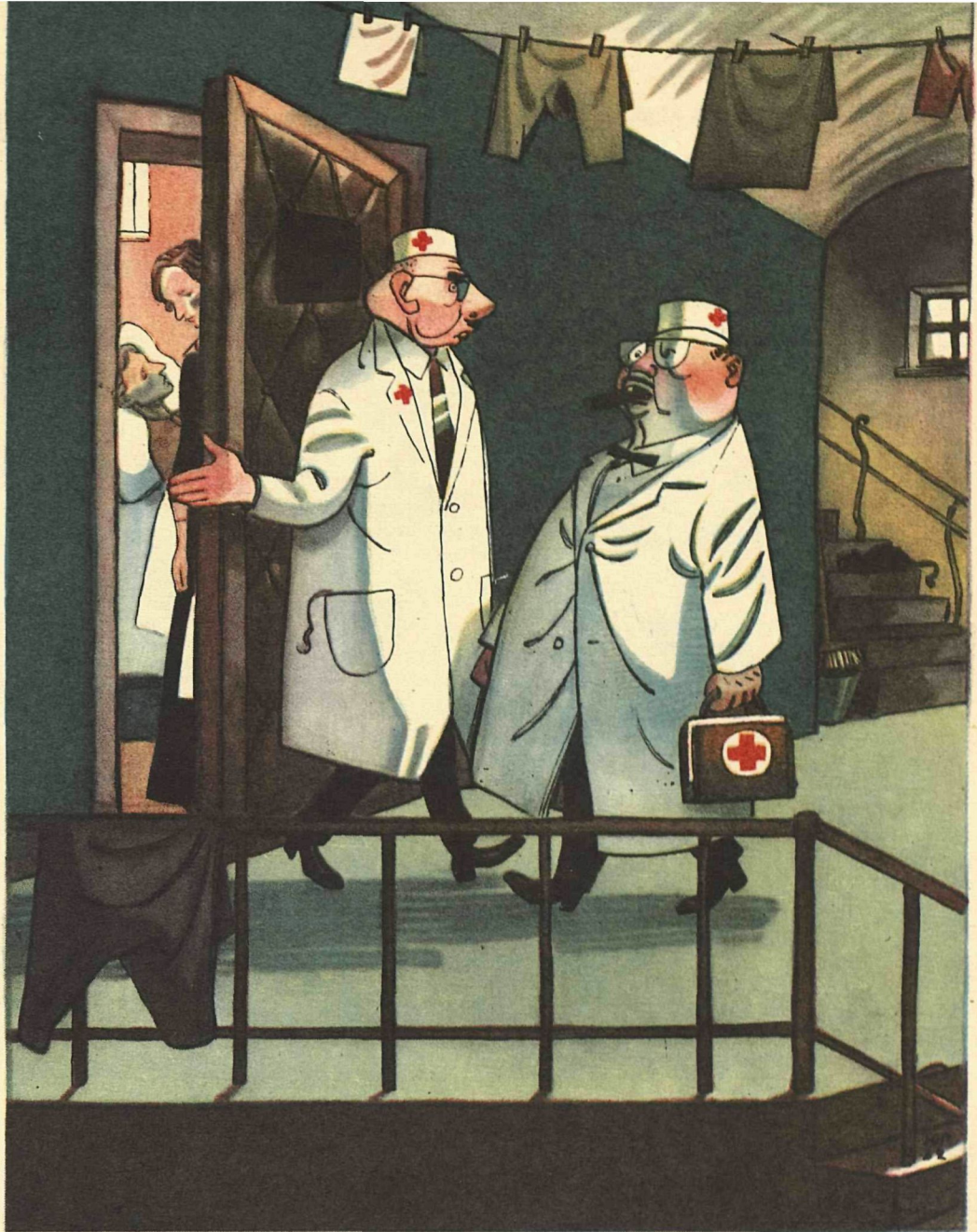
Визгливые, фальшивящие трубы
Опять зовут

к походу против Кубы.

Пусть трубачи не ропщут на судьбу,
Им вновь придется

вылетать в трубу!

Александр ЖАРОВ

— Этот больной безнадежен: у него обнаружено полное отсутствие долларов...

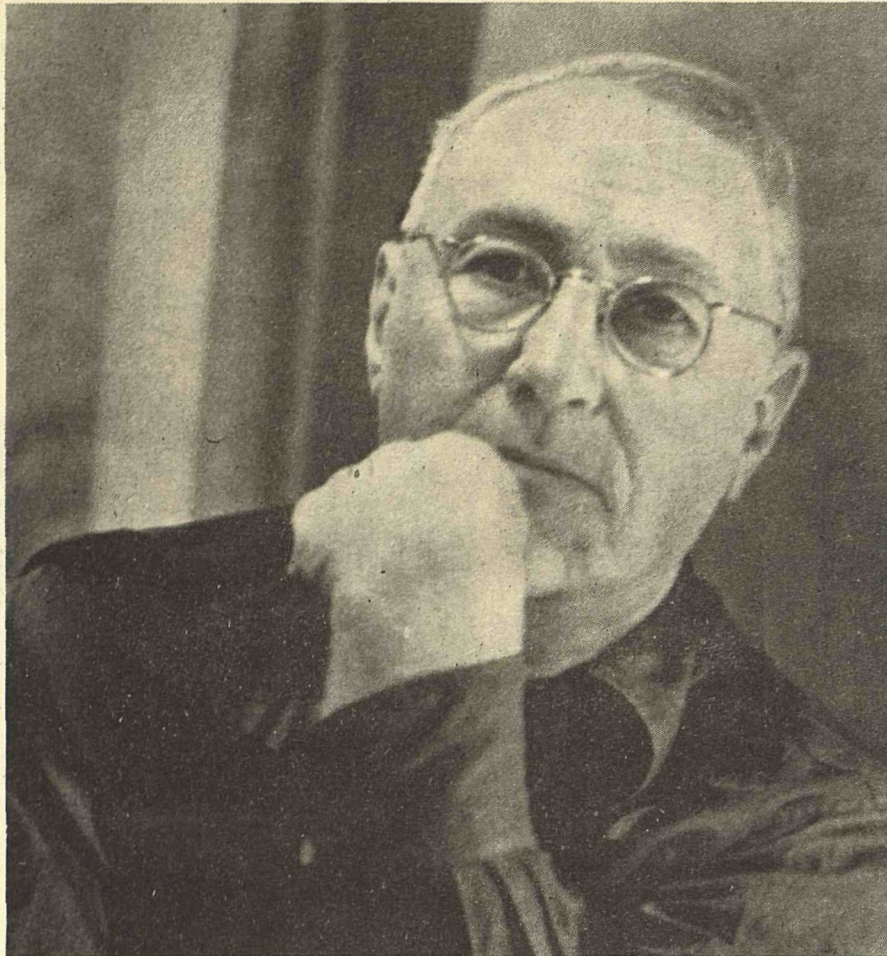
Рисунок Ю. ГАНФА

— Чистая английская шерсть, господа!

Рисунок Гр. ОГАНОВА

(Окончание.)

М. М. ЧЕРЕМНЫХ

Невосполнимую утрату понесли мы с тобой, товарищ читатель. Умер Михаил Михайлович Черемных — один из основателей Крокодила, ветеран советской политической карикатуры и революционного плаката, замечательный русский художник-боец.

В суровые дни Октября на страницах большевистских газет появились карикатуры Михаила Черемных, нацеленные в стан разноликих врагов юной Республики Советов. Это он, Михаил Михайлович, положил начало новой, революционной форме массовой политической агитации — «Окнам сатиры РОСТА», о которых его близкий товарищ и соратник Владимир Маяковский говорил:

— Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку не с молитвой, а с распевом частушек. Это протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звонком лозунгов.

Даже если бы Михаил Михайлович Черемных сделал только то, что он сделал в «Окнах РОСТА» (а это были сотни сатирических рисунков, размноженных в сотнях экземпляров), и тогда имя его было бы вписано в летопись советского искусства. Но ему надо было сделать еще очень много, быть может, слишком много для одного художника. Он щедро отдавал себя сатирической работе в «Красном перце» и «Смехаче», в «Огоньке» и «Бедноте», в «Красной ниве», «Безбожнике» и в других газетах и журналах тех тревожных, огневых лет. Михаил Михайлович Черемных — автор первой обложки нашего журнала, добрый наставник и один из признанных лидеров крокодильских карикатуристов. Он непреклонный пропагандист реалистической традиции советской сатирической карикатуры — бескомпромиссно социальной по существу, живой и динамичной, простой и точной по своему изобразительному языку.

В грозные годы Великой Отечественной войны М. М. Черемных выступает как автор многих политических плакатов, бьющих прямой наводкой в цель — в звериное нутро фашизма. Одновременно Михаил Михайлович широко и плодотворно работает в театре, проникновенно иллюстрирует сатирическую классику — сказки и повести Салтыкова-Щедрина, басни Крылова.

...Уже прикованный к постели, Михаил Михайлович продолжал то дело, которому отдал всю жизнь. Читатель Крокодила хорошо помнит его последние рисунки. Как и всякий настоящий талант, талант Михаила Черемных не был подвержен разрушительному действию времени. Последние его карикатуры так же свежи, задорны, наступательны и м о л о д ы, как и самые первые его работы, увидевшие свет еще столетия назад.

Михаила Михайловича Черемных, замечательного художника и не менее замечательного человека, больше нет в живых. Но есть его многочисленные ученики, и — удивительное волшебство подлинного искусства! — ряды их будут все расти. Потому что такое искусство не умирает. Потому что память о тех, кто пронес знамя этого искусства сквозь революционные грозы, не только запечатлелась навсегда в сердцах нового поколения, но и всегда будет звать его к творческим высьям.

— Ошен карошо, со-се-душко!.. Сэнкью!.. Как это говорят по-русску?.. Валяйте! Гуд-бай!

Положив трубку на рычаг, он усмехнулся, покачал головой и тихо сказал Сударкину, изнемогавшему от любопытства:

— Очень извинялся и сказал, что будет спать, сидя в кресле.

...Прошло еще около часа. За стеной было тихо, и в номере у приятелей тоже стояла тишина, только какая-то бессонная муха упрямо и зло жужжала, ползая по оконному стеклу.

— Спишь, Александр Петрович? — вдруг спросил Роликов.

— Понимаешь, не могу уснуть!

Щелкнул выключатель. Над изголовьем Роликова зажглась лампочка.

— Я тоже. Ты только подумай, какая же он скотина! Просит соотечественник — он густо хамит, позвонил иностранец — он виляет хвостом. Что это такое?

— Может быть, неуклюжее проявление нашего исконного гостеприимства? — сказал Сударкин.

— Нет, брат, это не гостеприимство. И не уважение к человеку другой нации. По-моему, это низкопоклонство самой гнусной подхалимской пробы.

Роликов взял папиросу, сломал ее тут же, взял другую, закурил и, сделав одну затяжку, бросил в пепельницу.

— Знаешь что, Александр Петрович, все равно ночь испорчена. Да, кстати, уже и светает! Поедем сейчас на аэродром, а?! Буфет, наверное, открыт, выпьем кофейку. А в самолете выспимся. Не могу я заснуть, когда рядом эта... мразь. Согласен?

— Согласен!

— Собирай чемодан, мой с вечера собран. А я быстро умоюсь, оденусь, оформлю выезд на этаже. И, кстати, — лицо Роликова приняло загадочное выражение, — устрою нашему со-се-душке еще одну проверочку.

...С чемоданами в руках приятели шли по вестибюлю гостиницы, направляясь к выходным дверям, подле которых дремал на своем детском стульчике старик швейцар в тужурке с традиционными золотыми позументами, с традиционной бородой клиньями, как у адмирала Григоровича — морского министра последнего русского императора.

— Где же твоя «проверочка»? — спросил Сударкин Роликова.

Тот молча показал ему глазами на барьер, за которым сидел пожилой дежурный администратор с помятым профессиональной бессонницей лицом. Выставив толстый, как у суслика, зад, обтянутый пижамными штанами из полосатого штапеля арбузного цвета, склонившись к барьеру, с администратором объяснялся какой-то мужчина. Под мышкой у него была зажата подушка.

Сударкин и Роликов замедлили движение, и Сударкин сразу узнал хриплый хамоватый голос. Впрочем, сейчас он звучал виновато, угодливо, извиняющиеся интонации смягчали его грубость.

— Ну вот, я тут как тут! Где у вас эта ваша «специальная комната»? Показывайте!

— Какая комната? — удивился администратор. — Простите, я вас не понимаю.

— Вы же мне только что звонили, товарищ администратор?!

— Я? Вам звонил? Даже и не думал. И что я вам сказал?!

Роликов толкнул Сударкина локтем в бок.

Обладатель сусличьего зада хихикнул и сказал с легким смущением:

— Вы сказали, что поскольку иностранные гости жаждутся на мой храп... в общем, чтобы я взял подушку и спустился к вам... что тут у вас имеется специальная комната для нас... для храпунов, так сказать!

Роликов подмигнул Сударкину, тот зажал рот рукой, чтобы не прыснуть от смеха, и они быстро пошли к выходу.

Безнравственный КОСТЮМ

Во всем виноват календарь. В один прекрасный день, а точнее, 11 мая, жительница Москвы Л. И. Исаева взглянула на календарь и увидела следующий чертёж.

1. Короткая блузка для девочки на каблуках. 2. Платье. 3. Жакет. 4. Платье. 5. Платье. 6. Платье. 7. Платье. 8. Платье. 9. Платье. 10. Платье. 11. Платье. 12. Платье. 13. Платье. 14. Платье. 15. Платье. 16. Платье. 17. Платье. 18. Платье. 19. Платье. 20. Платье. 21. Платье. 22. Платье. 23. Платье. 24. Платье. 25. Платье. 26. Платье. 27. Платье. 28. Платье. 29. Платье. 30. Платье. 31. Платье. 32. Платье. 33. Платье. 34. Платье. 35. Платье. 36. Платье. 37. Платье. 38. Платье. 39. Платье. 40. Платье. 41. Платье. 42. Платье. 43. Платье. 44. Платье. 45. Платье. 46. Платье. 47. Платье. 48. Платье. 49. Платье. 50. Платье. 51. Платье. 52. Платье. 53. Платье. 54. Платье. 55. Платье. 56. Платье. 57. Платье. 58. Платье. 59. Платье. 60. Платье. 61. Платье. 62. Платье. 63. Платье. 64. Платье. 65. Платье. 66. Платье. 67. Платье. 68. Платье. 69. Платье. 70. Платье. 71. Платье. 72. Платье. 73. Платье. 74. Платье. 75. Платье. 76. Платье. 77. Платье. 78. Платье. 79. Платье. 80. Платье. 81. Платье. 82. Платье. 83. Платье. 84. Платье. 85. Платье. 86. Платье. 87. Платье. 88. Платье. 89. Платье. 90. Платье. 91. Платье. 92. Платье. 93. Платье. 94. Платье. 95. Платье. 96. Платье. 97. Платье. 98. Платье. 99. Платье. 100. Платье.

МАЙ 11 1962 ПЯТНИЦА

Модель летнего костюма для девочки ей очень понравилась. Летом она торжественно вручила своей тринадцатилетней дочери обнову. Костюм обладал немалыми достоинствами. Удобный и элегантный, он к тому же позволял своей владелице получать немалые дозы ультрафиолетовых лучей для загара. Довольная мать проводила девочку к бабушке в село Старая Ушица, Хмельницкой области, на каникулы.

Дальше события развивались совершенно неожиданным образом. Появление школьницы произвело в селе переполох. При ее приближении закрывались ставни. Кто-то, побросав все дела, помчался в исполком сельсовета. Председатель исполкома, не дожидаясь конца обеденного перерыва, вызвал секретаря-машинистку и принялся диктовать.

В результате родители девочки получили такое послание:

«В исполком Староушицкого сельского Совета депутатов трудящихся обратились граждане села Старая Ушица с просьбой запретить Вашей дочери появляться в общественных местах в трусах. Дочь Ваша уже взрослая, и такое поведение возмущает общественность села Старая Ушица. Ведь Вы прекрасно знаете, что в трусах можно быть дома, на пляже, но ни в коем случае не разрешается ходить на улицах, а поэтому исполком сельского Совета просит Вас провести соответствующую работу с дочерью и запретить ей ходить по улице в трусах, в противном случае мы вынуждены будем принять меры в соответствии существующего законодательства.

Председатель Староушицкого сельисполкома Лядецкий».

Попранные юной гостьей староушицкие нравы и вкусы были, таким образом, защищены. Однако вопльках тов. Лядецкий не приложил к своему ультиматуму реестра костюмов и платьев, ношение которых в Старой Ушице не возбраняется. Из-за этой оплошности нарушительница была вынуждена все лето любоваться пейзажем и небесами только из окна бабушкиной хаты.

Советуем тов. Лядецкому, не теряя дорогого времени, составить оный реестр и послать его вольнодумцам из редакции «Календаря». Пусть-ка там его обсудят и сделают надлежащие выводы. Может быть, тогда мы увидим в «Календаре» следующего года вместо чертежа безнравственного костюма выкройку паранджи и чачвана!

Н. МОНАХОВ

СЧИТАЛКА

Не в каком иносказанье,
А в считалке игровой
Ехал Ваня из Казани
(Полтора ста рублей сани)
По дороге столбовой.
Ах, у мальчика, у Вани,
Замечательные сани:
Двадцать пять рублей дуга.
Мальчик — девочке слуга.
«Ты, слуга, подай карету...»
Есть подать! Отказа нету.
Быстротечная пора,
Вековая игра!

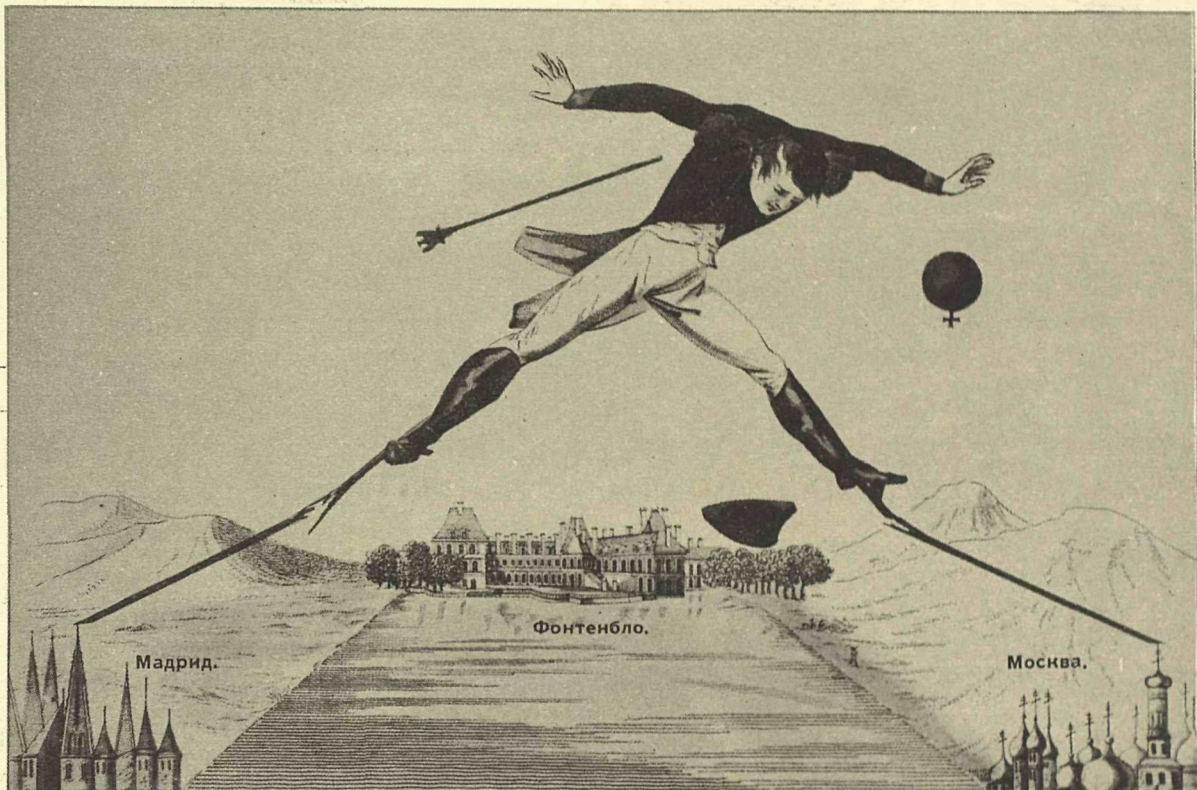
С той поры промчалось много
Троек, пар, саней и лет
Мимо нашего порога.
Стала портиться дорога,
И расплылся санный след.
И саней таких уж нету
На теперешней Руси...

Ты, слуга, подай «Победу»,
А я сяду да поеду...»
Путь не тот, не та пора —
Та же самая игра!

Ты ж, как встарь, за песню
эту:
«Эй, слуга, подай карету,
Мальчик, вызови такси.

Что ж, приходится считаться.
Ей не хочется кататься —
Ей услуга дорога:
«Мальчик, дай» да «Мальчик,
сделай!..»
И такой — и поседелый —
Мальчик — девочке слуга.

ИСТОРИЯ УЧИТ, УЧИТ...

Сверху вниз, или причина и следствие.

Как известно, Наполеон страдал манией величия. Он ревностно оберегал свою холеную персону от критики и беспощадно расправлялся с теми, кто в какой-то степени умалял его престиж.

Как многие великие мира сего, он любил говорить афоризмами, надеясь, что они попадут в историю и станут достоянием потомков. И, нужно сказать, эти притязания в какой-то мере оправдались. Так, удирая во все лопатки из Москвы, император вдруг изрек такую крылатую фразу:

— От великого до смешного — один шаг.
И по иронии судьбы эти слова стали пророческими.

Взгляни на эти карикатуры, читатель. Они нарисованы 150 лет назад. Как видишь, еще тогда этот шаг, единственный шаг, отделяющий великое от смешного, был сделан. Уж слишком отчетливо были заметны жалкие потуги низкорослого корсиканца казаться великаном.

Кто авторы рисунков? Это Иван Терещенев, Алексей Венецианов. Чего стоят в их изображении

«непобедимые» французские вояки! Вот двух мародеров конвоирует отважная Спиридоновна. А вот гусары гарцуют на деревянных лошадках с таким видом, будто у них под седлом горячие скакуны. А скакунов-то нету! Давно уже сварили и съели своих коней голодные гусары.

Серия злых карикатур — таковы лавры, увенчавшие поход Наполеона в Россию.

Прошли десятилетия, и нашелся новый претендент на треугольную шляпу Наполеона.

— Дранг нах Остен! — кричал он, брызжа слюной из-под жиденьких усиков.

Новый поход — и новая серия карикатур венчает кампанию 1941—1945 годов.

...История учит, но не всякого-то можно выучить!

И снова серый походный сюртук не дает спать наполеонам из-за океана. Им мерещатся лавры, мерещится величие мирового господства. Только забыли они, что от великого до смешного — один шаг.

А примеры истории учат, что забывать об этом не следует...

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47. 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 03961. Изд. № 1077. Подписано к печати 20/VIII 1962 г. Формат бум. 70x108½. Тираж 1 650 000 экз. Заказ 2385. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России.

Рисунок И. ТЕРЕБЕНЕВА

Французские гвардейцы под конвоем бабушки Спиридоновны.

Рисунок А. ВЕНЕЦИАНОВА

Вороний суп французов.

Рисунок И. ТЕРЕБЕНЕВА

Бегство Наполеона.
Неизвестный художник.

